

ШЕСТЬ ГРАНЕЙ ЖИЗНИ

Анна Бедтош

Нина Бёртон

**Шесть граней жизни. Повесть
о чутком доме и о природе,
полной множества языков**

«Ад Маргинем Пресс»

2020

УДК 821.113.6-4
ББК 84(4Шве)6-46

Бёртон Н.

Шесть граней жизни. Повесть о чутком доме и о природе, полной множества языков / Н. Бёртон — «Ад Маргинем Пресс», 2020

ISBN 978-5-91103-619-5

Ремонт загородного домика, купленного автором для семейного отдыха на природе, становится сюжетной канвой для прекрасно написанного эссе о природе и наших отношениях с ней. На прилегающем участке, а также в стенах, полу и потолке старого коттеджа рассказчица встречает множество животных: пчел, муравьев, лис, белок, дроздов, барсуков и многих других — всех тех, для кого это место является домом. Эти встречи заставляют автора задуматься о роли животных в нашем мире. Нина Бёртон, поэтесса и писатель, лауреат Августовской премии 2016 года за лучшее нон-фикшен-произведение, сплетает в едином повествовании научные факты и личные наблюдения, чтобы заставить читателей увидеть жизнь в ее многочисленных проявлениях. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.113.6-4
ББК 84(4Шве)6-46

ISBN 978-5-91103-619-5

© Бёртон Н., 2020
© Ад Маргинем Пресс, 2020

Содержание

В глубины природы	6
Голубой свод	9
Жужжание у двери	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нина Бёртон
Шесть граней жизни. Повесть о
чутком доме и о природе, полной
множества языков**Nina Burton**

Livets tunna väggar

En essäberättelse om ett lyhört hus och en natur full av språk

Albert Bonniers Förlag

Перевод: Нина Фёдорова

Дизайн: Анна Сухова

Иллюстрации:

Таня Твердохлебова

The cost of this translation was defrayed by a subsidy from the Swedish Arts Council, gratefully acknowledged.

Copyright © Nina Burton, 2020

First published by Albert Bonniers Förlag, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden
and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2022

В глубины природы

Незримая и роскошная, воюющая и любящая – вся жизнь Земли бурлила вокруг меня. Еще ребенком я вписала себя в бытие – имя и адрес с уточнением: Земля, чтобы пошире раздвинуть стены, окружающие центр, то бишь меня. Вопросы начали возникать, когда я сообщила, что все остальные тоже считали себя центром мира. Мало того, эти множественные центры были не только людьми – в природе они кишели повсюду.

А что такое природа? Так называли и окружающую среду, и загородную резиденцию, и врожденные задатки, но одновременно речь словно бы шла о бесконечном рождении, ведь слово «природа» сродни слову «рождаться». Короче говоря, это непрерывная жизнь с миллиардами разных центров, рассыпающих искры значений. Все они двигались в собственном временном ритме и перспективе, и потому объять их все разом было совершенно невозможно.

На гуманитарном отделении гимназии я выбрала в качестве факультатива биологию и вот тогда поняла, что мы тоже часть природы, поскольку Линней и Дарвин отнесли нас к животным. Позднее я изучала в университете литературу и философию, полагая, что такое сочетание даст ответы на вопросы о жизни. Но литература затрагивала главным образом разных людей, а философия занималась абстракциями. И я обратилась к древнейшим философам Греции, которые поднимали вопросы о природе. Демокрит писал об атомах и звездах, Фалес знал всё о воде, Анаксимандр благодаря окаменелостям догадался о нашем отдаленном родстве с рыбами, а Гераклит заметил, что всему свойственна изменчивая природа речных потоков.

Следом за ними явился Аристотель, которого увлекали все стороны жизни, от физики и метеорологии до языка и поэзии. Его интересы соединились в двух греческих словах: *bios* – «жизнь» и *logos* – «слово» или «разум». Оба они могли создать взаимосвязь, что и произошло, когда их скомбинировали в «биологию». Аристотель не хотел жить одними только теориями и на год удалился на остров Лесбос, чтобы исследовать природу более конкретно. В то время как его ученик Теофраст выяснял зависимость растений от окружающей среды, сам он занимался животными. И описал их анатомию и развитие настолько точно, что не просто заложил основы зоологии. Во многих случаях его выводы не устарели по сей день.

Начав с «животного, которое знакомо нам лучше всего», то есть с человека, Аристотель перешел к иным видам, ведь наше величие не повод умалить других животных: певчих птиц и голубей, ворон и дятлов, муравьев и пчел, головоногих и китов, лисиц и иных четвероногих. Он описал жизненный цикл цикады и увидел, как спариваются змеи, обвиваясь одна вокруг другой. Препарировал оплодотворенные яйца, где у эмбрионов уже были глаза, сосуды и бьющееся сердце. Размышлял о наследственности и полагал ее основой то, чему он дал название *eidos*, что по-гречески значит «форма». Для него она походила на последовательность букв в слове, и здесь он близко подошел к объяснению наследственности цепочками ДНК.

Что двигало всей этой жизнью? Аристотель думал, что всякое существо при жизни имеет некую душу, которая одухотворяет материю и направляет по телу питательные вещества. Природа для него обладала уникальной способностью формировать всё более сложные организмы, а поскольку им надлежало приспособиться к своей окружающей среде, в конечном счете она-то и играла решающую роль. Вроде как в домашнем хозяйстве, где случаются ссоры, но люди всё равно сотрудничают. Точь-в-точь как Солнце, Луна и звезды во Вселенной, каждый компонент в доме имел свое место, границы которого нарушать нельзя. В совокупности возникала взаимосвязь с заданными соотношениями, примерно как стены в доме. Греческое слово *oikos*, «дом», стало затем составной частью слова «экология».

Я была не чужда природе, хоть и выросла в городе. Собственного летнего домика мы никогда не имели, но в летние каникулы мама непременно снимала дачу где-нибудь за городом, и эта традиция продолжалась, когда сестра вышла замуж и уехала за границу. Она унимала свою тоску по родине, арендуя шведские летние домики, где вместе с нею и детьми жила и я, пока не приезжал в отпуск ее муж.

К тому же меня саму три десятка лет связывали близкие отношения с мужчинами, жившими на природе. Мои интересы поочередно распределялись между ними, ведь один, писатель, знал, как слова могут расширить мир, а другой, биолог, знал природные взаимосвязи. Животные питали к нему доверие, как к доктору Дулиттлу; ему даже удалось погладить глухаря, которому вдруг понравилась его веранда. Сама я с животными встречалась главным образом в богатой библиотеке биолога.

В общем, я часто гостила на природе. Но больше чем гостьей стала лишь после смерти мамы, потому что тогда мы поменяли ее квартиру на летний домик. Как и сама жизнь, он был наследием, подарившим нечто новое, и, подобно жизни, каждый трактовал его по-своему. Для сестры он означал возможность проводить отпуск с детьми и внуками, а для меня мог стать местом, куда бы я приезжала со своими рукописями. Ведь я хотела писать о природе и о жизни. Вдруг этот летний домик предоставит мне такой шанс?

Большой природный участок дышал атмосферой жизни. С южной стороны среди сосен и дубов поднималась мшистая горка, а с западной угадывались в черничнике таинственные тропки. На севере участок круто обрывался; внизу на фоне сверкающего пролива лежали общинные земли. Четких, отмеченных изгородями границ не существовало, всё было разом и уединенно, и открыто.

Если участок казался большим, то сам домик, понятно, совсем маленьким. Как обычно, одно-единственное помещение, построенное кое-как и таким же манером расширенное. Стекланные стены веранды заменили дощатыми, чтобы разместить там две кровати, потом соорудили пристройку – кухоньку и ванную. Дальнейшим расширениям воспрепятствовала топография.

Зато в каждом углу участка стояли сараюшки. В одном – бывшая уборная, превращенная в сарай для инструментов, в другом – столярная мастерская и склад материалов под навесом. Расположенный в третьем углу маленький садовый домишко служил детям для игр, а в четвертом находилась спальная хибарка, которую я втихомолку выбрала себе – для писательства.

Недостатков тут, без сомнения, предостаточно, не зря же в договоре купли-продажи был пункт об исключении ответственности продавца за состояние дома. Плотник, который осматривал дом, высказался в том смысле, что лучше бы построить новый. Я возмутилась. Неужели он не увидел идиллии? Что же он тогда вообще видел?

Впрочем, кое-какой ремонт явно требовался. Я искренне радовалась, что буду командовать ремонтными рабочими, ведь и мои книги чем-то похожи на строительство. Поскольку чертежи-наброски всегда новые, я действую методом проб и ошибок, и добиться нужного соотношения разных материалов весьма непросто. Потому-то за письменным столом я ежедневно сталкиваюсь с ремесленными проблемами.

Здесь, на участке, мне предстояло завершить парочку проектов, а уж потом можно будет заняться жизнью и природой. Один проект был посвящен рекам, несущим свои воды по местам, где природа соединена с культурой, второй касался слияния гуманитарных и естественных наук в гуманизме эпохи Возрождения. Моим героем был Эразм Роттердамский, возродивший жанр эссеистики, но восхищал меня и великий швейцарский энциклопедист XVI века Конрад Геснер. Подобно Аристотелю, Геснер занимался полудюжиной дисциплин, от зоологии до языковедения. Он писал о тысячах растений и тысячах авторов, а соотношение между видами животных вдохновило его на исследование родства между сотнями языков.

Я всегда симпатизировала идее энциклопедизма. Для нее большое и малое одинаково важны, ибо при отсутствии главных действующих лиц она показывает мир с разных сторон. Для меня Геснерова перспектива отвечала размаху жизни. В моей книге о Возрождении я отведу ему лишь одну из глав, но мне нравилась его манера объединять животных и языки, растения и литературу.

Масштабность его семидесяти книг, разумеется, нипочем не втиснуть в крохотную писательскую хижину на здешнем участке, да и видов животных вокруг куда меньше. И вообще, сумею ли я понять их сообщения? Ведь свои знания о жизни Земли я почерпнула через человеческий алфавит. А существа, что летали и ползали, лазали и плавали вокруг меня, наверняка имеют собственные языки, под стать своей природе. Они то были буквально близки к земле, то окрыленно легки, то двигались вперед ощупью, как корни. Так как же мне понять животных с их дописьменными языками? Обыкновенно различия воздвигают стены меж непохожими мирами.

Но, как часто бывает, жизнь сама разрешит эти проблемы.

Голубой свод

Можно сказать, с домом я знакома сверху. Первым делом ремонтники увидели крышу, а там надо было заменить толь и восстановить изоляцию. Когда они, стоя в комнате, направили камеру тепловизора вверх, экран стал лавандово-голубым, как февральская ночь, что указывало на проникающий внутрь холод. Кое-где среди голубизны виднелись желтые пятнышки, а поскольку желтый означал тепло, это, вероятно, были остатки изоляции. Увиденное заставило меня призадуматься. Вокруг дома тут и там валялись клочки изоляции, похожие на маленькие облачка. Как они там очутились? Не ветром же их выдуло?

Ремонтники должны были вернуться в конце марта, и, чтобы утром встретить их на участке, я приехала заранее и впервые ночевала в доме. Когда я вошла, там было по-зимнему холодно, и, включив обогреватель, я пошла прогуляться по окрестностям. Свет четко прорисовывал контур и тень малейшей песчинки на голой земле, где всё готовилось одеться жизнью. Большая синица вывела несколько звонких коленцев, а многое другое куда еще формировалось в почках и набухших семенами шишках. Казалось, будто здесь ожидают тысячи открытий.

По возвращении в дом я добавила тепла, включив плитку. И пока закипала вода для спагетти, немного порылась в картонных коробках с вещами из маминой квартиры. Много чего предстояло привести в порядок, но этим вечером я ничего делать не собиралась, рассчитывала просто почитать. Тишина навевала покой и была вполне под стать книге, которую я прихватила с собой. Речь в ней шла о космическом пространстве.

Ведь именно там однажды родились составные части жизни – в космосе, что был не больше сжатого кулака. Непостижимое мгновение он крепко сжимал будущие галактики и беспредельное грядущее. А затем грянуло бесконечное крещендо. Из малого начала явилась исполинская ширь звезд, которые за несколько миллиардов лет произвели углерод и кислород, серебро и золото и все прочие ингредиенты, необходимые для жизни. Протоны и электроны моего собственного тела и те некогда были космической материей или излучением. В общем, меня можно назвать остаточным продуктом умерших звезд или, скорее, комплектом звездного сырья. В нем недостатка нет, ведь до сих пор на Землю выпадают миллионы тонн космической материи.

Я закрыла глаза и задумалась. По мысли этой книги, Земля участвует в грандиозном круговороте элементарных частиц, которые комбинируются и в камень, и в воду, и в растения, и в животных. А пока мимо мелькают наши летучие формы, Солнечная система совершает очередной оборот вокруг центра Млечного Пути. Полный оборот занимает двести миллионов лет и называется космическим годом.

Звезды и планеты движутся в космосе, как части исполинского часового механизма. Подобно всем хронометрам, он порой нуждается в регулировке, а то ведь Луна потихоньку удаляется от нас. Правда, сейчас это мало что меняет, потому что удаляется она всего на четыре сантиметра в год.

По мере того как масштабы увеличивались, пространство расширяло стены дома. Ведь книжный астроном включил в великую панораму и самое малое. Если, например, поместить на расстоянии метра от глаза монетку в одну крону, за нею окажутся сотни тысяч галактик, а каждая галактика, в свою очередь, состоит из миллиардов звезд. В нашем Млечном Пути они рассыпаны по столь огромному пространству, что свет иных находился в пути миллионы лет. За это время сами звезды успели умереть, но их свет еще жил, – примерно вот так же в старых звукозаписях живет музыка умершего музыканта.

Куда направлялся свет? В космосе нет центра. Во всех направлениях он кажется одинаковым. Я с грустью подумала о зонде, на котором в космос отправили изображения двух людей. Не дерзко ли считать это важнейшей информацией о Земле? И если в космосе вообще есть

языки, они, определенно, совсем другие, отличные от нашего. Подход к такому миру обеспечивает скорее математика, нежели слова.

Более удачной презентацией могла бы стать сделанная НАСА запись электромагнитных колебаний Земли. Их преобразовали в звук, и, когда мне однажды довелось услышать эту пульсирующую гармонию без начала и конца, я была как-то по-особенному взволнована. Вот так люди представляли себе музыку сфер? Кеплер верил в собственные умозаключения, что Сатурн и Юпитер – басы, Земля и Венера – альты, Марс – тенор, Меркурий же – дискант. Как они звучат на самом деле, я не знаю, но песнь Земли в записи НАСА создала у меня ощущение красивых и нежных жизненных вариаций планеты.

А видны ли нынче звезды? Я отложила книгу и, накинув куртку, вышла за порог. В книге, которую я читала, говорится, что девяносто процентов населения Западной Европы уже не видят настоящего звездного неба из-за нашего искусственного освещения. Конечно, в космосе царит мрак, но коль скоро мы состоим из вещества звезд, взглянуть на них, пожалуй, все-таки любопытно. Лишь Полярная звезда, тускло мерцающая, светила сквозь атмосферу.

Однако краем глаза я заметила, как совсем близко что-то мелькнуло. Вроде бы какая-то тень? Может, на участке есть летучие мыши? У меня к ним двойственное отношение. Это единственные млекопитающие, которым удалось завладеть воздухом, и полет их виртуозен. В отличие от птиц, у них нет оперения, их крылья – голая кожистая перепонка, растянутая между большим и четырьмя остальными пальцами рук и продолжающаяся до ножной кости, что придает им большой размах. И это не просто изумительно. Их крылатые руки маневрируют в воздухе быстрее, чем мои пальцы на клавиатуре компьютера.

Для связи они пользуются быстрыми ультразвуковыми сигналами, которые пронизывают темноту, где прячутся ночные мотыльки. Для более приватного контакта характерны физическая близость и звуки слышимого диапазона. Например, однажды наблюдали самочку летучей мыши, которая помогала рожающей родственнице, показав ей сперва, какую надо принять позу, чтобы детенышу было легче появиться на свет, а затем приняв роды. Прямо как человек. Так почему же покрытые шерсткой, теплые летучие мыши кажутся такими чужими? Оттого, что они связаны с ночью, когда мы уединяемся и наши чувства спят?

Немного погодя я ушла в дом и легла на одну из кроватей на бывшей веранде. Кровать была узкая, но тем не менее создавала ощущение уютной защищенности, словно там лежал кто-то еще. Теплые тела оберегают от пустоты и безмолвия космоса.

Вдруг совсем рядом послышался какой-то звук. Кажется, кто-то ходит надо мной по крыше? Вряд ли это летучая мышь, но кто тогда? Поскольку было слишком темно, снаружи ничего не разглядишь, и я попыталась заснуть, хотя прямо-таки мечтала об утреннем свете.

А когда рассвело, проснулась не одна я. Звуки над головой послышались снова – будто легкие шаги. Может, птица? Я тихонько прокралась на улицу и посмотрела, но крыша была пуста. Зато я кое-что обнаружила на задней стене дома. В сетке между крышей и стеной виднелась большая дыра. Вроде как вход.

Пытаясь навести порядок среди коробок на кухне, я все время размышляла об этом входе и строила фантастические домыслы. А около полудня обошла вокруг дома и наконец-то увидела неведомого обитателя чердака. Он враспяжку лежал на сетке у стены и дремал, вроде как

соблюдая сиесту. Судя по зубкам, грызун, и при беглом взгляде его можно было принять за крысу. Но пушистый хвост говорил о другом.

Кусочки пазла разом легли на свои места. Это же белка, та самая, которая выбрасывала теплоизоляцию, чтобы расширить себе жизненное пространство, и в этом она определенно преуспела. Картинка тепловизора показывала, что наверху располагалась просторная беличья квартира.

Мои чувства пришли в полное смятение. Вот он, оккупант, который распоряжался в доме, как в своей вотчине. С другой стороны, белки мне всегда нравились, я кое-что о них читала, а сейчас могла разглядеть чувствительные волоски на передних лапках и рудиментарные большие пальчики, которые делают эти лапки очень похожими на руки. Я смотрела на пышный хвост, который при прыжках с дерева на дерево становится рулем, а ночью служит одеялом. Даже на вид он казался необычайно мягким.

Судя по гениталиям, это самочка, а жизнь у одиноких самок весьма нелегкая. После весеннего спаривания они изгоняют самца со своей территории и сами растят всех детенышей. Насколько это трудно, я поняла в тот раз, когда мой друг-биолог нашел бельчонка, выпавшего из гнезда. Я быстренько прочитала, что должны делать белки-матери, и работенки у них оказалось много. Каждые три часа детенышей необходимо кормить, потом надо вылизать или помассировать им животики, чтобы запустить переваривание пищи. Потом всех по очереди надо ненадолго вынести из жилья, чтобы оно не превратилось в туалет. Занятий хватит на полный рабочий день, так что мы испытали двойное облегчение, когда белка-мать разыскала своего малыша. Наверно, он выпал из гнезда, пока она между делом пыталась найти еду для себя. И вряд ли ей станет легче, когда детеныши начнут скакать вокруг, как легкая добыча для ястребов и кошек, однако самки белок настолько ответственны, что даже заботятся об осиротевших малышах, если те из их родни.

Я начала поддаваться сантиментам. На протяжении почти всей истории белки были объектом охоты. Их приносили в жертву на германских весенних и зимних празднествах; беднякам эти маленькие зверьки служили пропитанием и обеспечивали небольшой доход от продажи шкурок. В XVI веке из одного только Стокгольма за год экспортировали до тридцати тысяч беличьих шкурок. В последнее время у европейских рыжих белок появились конкуренты – серые сородичи, которых в начале XX века завезли сюда из США. Серые белки переносят вирус, против которого лишь у них самих выработался иммунитет, и порой объединяются в дерзкие разбойничьи шайки, которые могут напасть даже на собак и детей и искушать их.

Но рыжая ночная проказница всё же заслуживала защиты. Я осторожно отошла подальше, вернулась в дом и села за чтение.

Сосредоточиться на книге оказалось трудновато, потому что мысли упорно кружили вокруг соседки на крыше. Каково это – жить вместе с белками? Фактически раньше такое бывало. И в Античности, и в эпоху Возрождения дамы охотно держали их как декоративных питомцев-компаньонов. Едва ли они участвовали в развлечениях аристократического общества, хотя в XVIII веке некий английский джентльмен хвастался музыкальностью своих ручных

белок. Вокал их не интересовал, но, слыша камерную музыку, они в своей клетке энергично отбивали такт. Одна белка целых десять минут держала ритм аллегро, а после паузы перешла к другому ритму. В остальном их домашняя жизнь особого восторга не вызывала, особенно если вспомнить о беличьих колесах, которые устанавливали в их клетках.

В конце концов снова настал вечер. Тут уж я действительно не могла не думать о белке, ведь она всё время шастала по потолку. В первую очередь меня удивляло, что нас разделяли всего-навсего несколько досок. Оттого, что я слышала ее передвижения, возникало ощущение близости, и я поняла, как летучие мыши чувствуют невидимое.

Но мало-помалу то, что ее было слышно, стало помехой. Только я уснула, как она опять принялась шебуршать. Очевидно, ей не спалось, и мне теперь тоже. В комнате как бы находился капризный ребенок. Каждое движение – словно жалобное хныканье: что-то лежит не так или, может, просто слишком жарко. «Да спи ты!» – ворчала я, а она всё возилась там, наверху. Белки отнюдь не славятся талантом в обустройстве жилья, но она, вероятно, раздери-гивала последние остатки теплоизоляции. И если устроила из нее подстилку, то ей наверняка слишком жарко. Обычно белки выстилают гнездо травой и мхом, а минеральная вата может раздражать дыхательные пути. Иначе говоря, попросту вредит здоровью?

Белка шумно чесалась. Похоже, ее вдобавок донимали блохи. В беличьих гнездах обычно довольно много насекомых-паразитов. В этом плане у меня был кое-какой неприятный опыт, потому что однажды мою квартиру заполонили птичьи блохи. Они попали ко мне от голубей на чердаке, через вентиляцию над кроватью, и, вероятно, так может случиться и с беличьими блохами.

Она опять сновала по потолку. Белки метят свою территорию: топчутся по собственной моче и влажными лапками обозначают границу. Может, наверху происходит нечто подобное? И, судя по звукам, она, кажется, что-то грызет? Ведь, как и всем грызунам, белкам необходимо ежедневно стачивать растущие резцы.

Спала я урывками и около семи утра услышала наверху шорох. Так-так, белка проснулась. Выйдя на кухню, я увидела, что она заглядывает в окно: вероятно, отправилась завтракать.

Пока пила кофе, я заодно достала из коробок с вещами бинокль, чтобы издали наблюдать за ней. С близкого расстояния не понаблюдаешь, потому что началось цирковое представление. Отталкиваясь, словно кенгуру, задними лапами, белка солнечным зайчиком металась во всех направлениях: вправо-влево, вверх-вниз. Я следила за нею, и у меня кружилась голова. Иной раз белки прыгали на пять метров, а иной раз и падали. Но в их прыжках не было ни страха, ни дерзости. Они прыгали без разбега, одним плавным движением.

В конце концов белочка замерла на ветке, и я сумела отрегулировать фокусировку. Она нашла на завтрак шишку. Передние лапки безостановочно и равномерно поворачивали ее, так что каждую четвертую секунду наземь летела чешуйка. С шишкой она справилась за семь минут.

Потом она исчезла из виду, а я тем временем оделась и навела порядок. Позднее, когда наши пути пересеклись возле угла дома, она приветствовала меня, раздраженно дернув хвостом. Я даже слегка обиделась, поскольку отнеслась к ней с пониманием, но она, по-видимому, привыкла жить вовсе без помех. Однако так будет недолго. Ночью я решила стать неприятной соседкой. Как и у всех белок, у нее наверняка не одно гнездо, вот пусть и выберет себе другое. В следующий раз, услышав ее над головой, я громко постучала в потолок. Наверху всё стихло – вероятно, она поняла намек.

Так или иначе, с жизнью природы мне хотелось встретиться отнюдь не в доме. Совершая обход участка, я услышала барабанную дробь дятла, что звучало весьма многообещающе. Говорят, дятлы любят леса с биологическим многообразием.

Не скажу, чтобы я охотилась за редкостями. Даже насвистывающая большая синица – создание удивительное. Считать ее просто милой маленькой пiskuшкой никак нельзя, ведь с тех пор, как выяснилось, что большие синицы используют орудия труда и строят планы, по уму их сравнивают с шимпанзе. С помощью зажатых в клюве веточек они извлекают личинок из щелок в коре, а кроме того, зорко примечают, где прячут еду другие птицы, и могут ее украсть. Чтобы разогнать конкурентов у кормушки, они могут поднять ложную тревогу: мол, рядом хищник! – а испытывая сильный голод, способны убивать других мелких птичек или спящих летучих мышей. Впрочем, есть, конечно, и вполне мирные особи, так что большие синицы стали в Швеции одним из самых распространенных видов птиц, пожалуй, не только благодаря своей изобретательности.

Вдруг послышался куда более неожиданный звук. Возможно ли, чтобы здесь?.. Честное слово, я услышала самую обычную на свете птицу, численностью втрое превышающую народонаселение Земли. По окрестностям разносилось кукареканье петуха, а значит, кто-то из соседей держит кур на свободном выгуле. Сушья идиллия, прямо как в детской книжке.

Сейчас большинство кур живет вдали от природы. Фабричных несушек содержат в отдельных клетках, тогда как те, что появляются на свет в инкубаторах, теснятся среди пятидесяти тысяч других цыплят, на всякий случай напичканных антибиотиками. А глубине джунглей Южной Азии их дикие предки еще шныряют мелкими пугливыми стайками под сенью деревьев; они настолько впечатлительны, что при поимке могут умереть от страха, как сотнями тысяч умирают по дороге на бойню фабричные куры.

В Индии диких кур одомашнили очень давно; еще Александр Великий вывез их оттуда, возвращаясь из военного похода. Для него это был практичный походный провиант, который не только давал яйца и мясо, но вдобавок размножался. Позднее в Греции и Риме кур использовали главным образом для предсказаний, поскольку в их манере клевать корм и взлетать усматривали особые знаки, которые можно истолковать. А вот петухам нашли иное применение. Если двух агрессивных петухов помещали на арену, откуда не было выхода, они поневоле бились не на жизнь, а на смерть. Такие петушиные бои, бывшие очень популярными, устраивали в Англии вплоть до XIX века, и с тех пор в боксе сохранился термин *bantamweight* – «вес петуха», то есть легчайший.

Куры вне фабрик тоже способны внушить уважение. Я убедилась в этом, однажды летом сняв «писательский домик» возле курятника, поскольку днем его обитатели гуляли на воле. Всё время опасаясь наступить на большущие, с венскую булочку, кучки помета, я начала разбираться в куриной иерархии, от главной курицы до маленького цыпленка. Модель была вполне узнаваемой. Кроме того, я поняла, что в их кудахтанье насчитывается до трех десятков разных сигналов, в том числе предупреждающих об опасности с воздуха или с земли.

Куры были крупные, они даже сумели отразить нападение лисицы; правда, тогда к ним присоединился и петух. После этого им приобрели молодого петуха, который поначалу до

смерти боялся своего богатырского гарема. Младший сынишка хозяина тоже боялся кур, так как слышал, что птицы ведут свое происхождение от динозавров. Кто бы сомневался, глядя на тех огромных кур.

Первым такую догадку высказал биолог Томас Генри Гексли. В 1868 году, когда он работал со скелетом динозавра, ему однажды вечером подали на ужин жареную индюшку, вот тогда-то его и поразило сходство индюшачей ножки на тарелке и ноги в лаборатории. Генетические анализы впоследствии подтвердили его правоту. Куры и индейки действительно ближайшие родичи динозавров. Вероятно, превращение началось с того, что мелкие динозавры стали прятаться на деревьях от крупных хищников. Куры ведь до сих пор ночуют, взлетев на насест.

Горластый петух вскоре умолк, и потом слышно было только голубя на общинном выгоне да ворону на верхушке ели. Признаться, об этих птицах я придерживалась невысокого мнения. Голуби стали эмблемой мира, любви и Святого Духа, но в реальности производят иное впечатление. Именно они когда-то напустили на меня птичьих блох. А как насчет их связи со Святым Духом? Говорят, они в родстве с вымершим дронтом, который по-португальски зовется *doudo*, что значит «глупый», ведь маленькая голова на крупном теле производила, пожалуй, не слишком приятное впечатление. Вот так же и с голубями, которые едва обращают внимание на собственные яйца в своих кое-как построенных гнездах. Но благодаря недавним опытам мое представление о голубях изменилось. Дженнифер Акерман, например, собрала солидную документацию, подтверждающую ум этих птиц.

Как и куры, голуби живут рядом с человеком дольше других птиц, и распространились они благодаря нам. Птенчики голубей на вкус очень нежные, поэтому голубей-клинтухов одомашнили еще десять тысяч лет назад, приблизительно в одно время с курами. Поскольку людям хотелось, чтобы численность голубей быстро росла, они отбирали самцов, постоянно готовых к спариванию, и самочек, у которых было много птенцов. Жить рядом с людьми этим птицам не составляло труда, и города полностью их устраивали, потому что карнизы и балконы очень напоминали скальные уступы в их естественной среде обитания.

В XVI веке могольский император Индии Акбар Великий владел более чем десятью тысячами голубей и скрещивал их, чтобы усилить полезные свойства. Позднее такого рода скрещиванием занимались во многих местах Европы, что опять-таки подтолкнуло Дарвина к созданию теории эволюции. Если генетика способна развивать у голубей различные признаки, то уж природа наверняка могла делать повсюду то же самое.

Превыше всего голубятники XIX века ценили уже не мясо голубей, а их феноменальную способность ориентироваться. Почтальонами они стали еще в Древнем Египте и в Риме и продолжали доставлять депеши вплоть до появления телеграфа. Целой сетью голубятен владели не только такие крупные компании, как новостное агентство «Рейтер» и банк Ротшильда. Голубей использовали для передачи актуальных вестей и в меньших масштабах: например, в Швеции во время парусных регат XIX века результаты передавали через почтового голубя в типографию стокгольмской газеты «Дагбладет», где их распечатывали и вывешивали в витрине.

Доверяли голубям и более серьезные задачи. Исследовательские экспедиции, шпионы и военные посылали их на задания, которые могли бы стать материалом для увлекательных романов с потрясающими крылатыми героями. В 1850 году, к примеру, голубь одолел четыре

тысячи километров, чтобы доставить весточку от полярной экспедиции; правда, само сообщение, к несчастью, было в пути утеряно. Во время Первой и Второй мировых войн все сражающиеся стороны использовали почтовых голубей, и, поскольку птицы участвовали в войне, некоторые из них даже удостоились медалей за отвагу. Один английский голубь стоически выполнил свою задачу, хотя ему отстрелили часть крыла. Немецким голубям приходилось не легче, так как против них использовали и стрелковое оружие, и соколов-сапсанов.

И голуби отличаются не только храбростью. Они также быстры и внимательны. На скорости восемьдесят километров в час они преодолевают тысячи миль над незнакомым ландшафтом, и в наблюдательности им нет равных. Когда голубям показывали серию последовательных аэрофотоснимков местности, они примечали различия, упущенные людьми. Поэтому американская береговая охрана натренировала их отыскивать крапинки цвета спасательных жилетов, а затем вертолеты брали птиц на борт и облетали акваторию, где произошло кораблекрушение. Голуби замечали людей даже среди высоких волн.

Столь же наглядно их визуальные таланты проявились и в более художественных экспериментах. После небольшой тренировки они различали работы Пикассо и Моне, могли даже отличить кубистов вроде Брака от импрессионистов, например от Ренуара. Посредством особых сигналов для цвета, узора и текстуры их обучили также оценивать картины как красивые или некрасивые.

Перечень их умений этим не исчерпывается. Как выяснилось, голуби очень неплохо считают и могут расположить картинку с девятью предметами в надлежащем порядке. К тому же у них совершенно исключительная память: за год они запоминали тысячи картинок, узнавая их даже в негативном изображении и в перевернутом виде.

После всего этого презирать голубей просто стыдно. Мы же сами виноваты, что они так быстро размножились и так охотно селились рядом с нами, ведь именно мы и развили в них такие качества. Вообще весьма заметно, что они издавна живут поблизости от нас. Эти птицы узнают отдельных особей не только в собственных стаях: как оказалось, они отличают отдельных людей и могут определить на фотографиях разных людей эмоциональные выражения, например гнев и печаль.

Это вовсе не объясняется эмпатией. Вероятно, умение считывать эмоции играет определенную роль в выживании. По едва заметным знакам птицы угадывают грозящее нападение и сплываются. Достаточно взгляда, позы или встопорщенных перышек. Мы ведь тоже неосознанно читаем в других людях, поскольку интонация и мимика бывают честнее слов, да и вообще слова составляют лишь примерно семь процентов всего, что мы сообщаем. Может стать, искусство читать между строк лежит в основе всей коммуникации?

Тут я, понятно, увидела и проблему. Легко читать эмоции других или делать из них шаблоны. Голуби, например, стали исключительно символом кротости, тогда как зоркость осталась за ястребами. В свою очередь, каркающая ворона стала антиподом воркующего голубя, и когда Тед Хьюз в конце концов воспел ее в стихах¹, то сделал антигероем. Меж тем как ласточка

¹ В русском переводе стихотворение называется «Ворон», так как английское *crow* означает и «ворон», и «ворона». – Примеч. пер.

летала в аромате фиалок, ворона клевала в прибрежном мусоре выброшенную палочку от мороженого.

Ну разве могут горластые вороны вдохновить на лирические излияния? А то, что они включены в один отряд с певчими птицами, было мне столь же малопонятно, как и то, что дело тут в форме лап. Не менее загадочным казалось родство с райскими птицами. Черно-серый их сюртук вполне подходит похоронных дел мастеру, да и карканье отнюдь не вызывает восторга.

Однако впечатления, как я уже говорила, бывают обманчивы. Римляне ценили изысканность вороньей песни, трактуя «кар-кар» как *cras*, что по-латыни означает «завтра». Для их слуха карканье, стало быть, выражало вечную надежду. Да я и сама знала, что вороны вообще-то не особенно мрачны.

Как-то раз в выходные я отправилась на небольшом катере во внешние шхеры. Мне составили компанию двое племянников, а капитанша прихватила с собой ручную ворону. Она заранее спросила, не боимся ли мы ворон, – наверно, привыкла, что люди относятся к ним недоверчиво.

Во время плавания ворона большей частью стояла на палубе, широко расставив лапы, как матрос. Капитанша управляла катером, ворона же, судя по всему, считала своим долгом присматривать за пассажирами – украдкой, на шпионский манер. В ту пору мои племянники курили и буквально не выпускали сигареты из рук, чем возбудили у вороны интерес.

На островке, где мы остановились, надо было выбрать место ночлега: либо разделить береговую хижину с капитаншей и вороной, либо устроиться в койках на катере. Мы выбрали катер, чтобы покачаться на волнах, а кроме того, не очень-то привыкли ночевать в компании вороны. Она явно имела обыкновение сидеть ночь напролет на открытой двери и держать всё под присмотром.

После ночи без надзора один из парней поднялся на палубу выкурить первую утреннюю сигарету. Но едва он ее достал, как от хижины стремглав прилетела ворона и плюхнулась ему на плечо, чтобы тщательно изучить процесс курения. Сигареты подходили к концу.

В полдень табачники, по-братски бросив жребий, благоговейно раскурили последнюю сигарету, как вдруг опять словно из ниоткуда возникла ворона. Спикировала прямо к ним, в ходе акробатического маневра выхватила сигарету, улетела на крышу хижины и издевательски уселась там с желанной вещицей в клюве. Всё было ясно. Ничуть она не угрюмая. Наоборот, насмешница.

Впоследствии я видела огромное количество сообщений о проделках ворон. Они играли в прятки друг с дружкой и в салки с собаками. Дразнили кошек. На лету ловили палки. Съезжали с заснеженных крыш на крышках от банок, а спустившись вниз, брали крышку в клюв, взлетали наверх и съезжали снова.

Вероятно, игривость – сестра творчества, и вороны превосходно ее демонстрировали. В одной из своих старых басен Эзоп рассказывает, как ворона, которой хотелось пить, исхитрилась достать воду со дна кувшина. Она просто притаскивала мелкие камешки и бросала в кувшин, повышая таким манером уровень воды. Так же поступали вороны в экспериментах, в которых они решали и другие проблемы, требовавшие использования инструментов.

Фактически вороны обладают множеством качеств, которые обычно связывают с разумом. Они явно не чужды чувства юмора, любопытны, умеют планировать и приспособляться, но вместе с тем индивидуалистичны. Еще в Античности их привлекали возможности городов, хотя одомашниванию они не поддались. Вдобавок, как говорят, развитию умственных способностей благоприятствуют долгое детство при наставниках-родителях и социальная жизнь. Этим вороны тоже не обделены. Аристотель заметил, что они присматривали за своими птенцами дольше других птиц и позднее поддерживали контакт с членами семьи. Теперь известно, что они общаются посредством множества звуков, с помощью которых различают не только виды, но и отдельных особей. К тому же у всех у них как будто бы есть собствен-

ные идентификационные звуки, известные другим в стае. Они понимают даже телесный язык человека, например смотрят в ту сторону, куда показываешь. Шимпанзе так не умеют.

Подобно сорокам, вороны часто собираются вокруг мертвых сородичей, хотя неизвестно, констатируют ли они смерть или выказывают верность. Память у них, во всяком случае, хорошая. Если играть с ними в «Мемори», они ловко соединяют одинаковые картинки. Они прекрасно различают человеческие лица, поэтому американские военные пытались даже подключить их к охоте за Усамой бен Ладеном. Особенно хорошо они распознают людей, которые плохо с ними обращались, и даже учат других ворон издалека примечать мерзавцев. Вообще они внимательно следят за всем вокруг, и лучше их, пожалуй, никто не знает, что происходит на участке.

Как-то даже неловко, что зоркие обитатели деревьев видели меня куда лучше, чем я их. Хотя, наверно, всё правильно. На деревьях они сливались с природой.

Белка была исключением. Она, конечно, хотела, чтобы ее оставили в покое в выбранном ею жилье, но отнюдь не робела. Когда она опять прискакала, я как раз ела яблоко и бросила ей на землю кусочек. По обыкновению она спешила, однако все-таки чуть задержалась и посмотрела на меня. Не снизошла до угощения, нет, просто села на задние лапки, чтобы получше меня разглядеть. Глаза большие, как у ребенка, беззащитное белое брюшко. На сей раз никакого раздраженного помахивания хвостом. Вот тогда-то я и решила соорудить беличью кормушку с орехами в качестве компенсации за отнятое жилье под крышей.

Внечеловеческое общение может быть чрезвычайно спокойным и приятным. В психологическом плане пазл отношений не особенно сложен. Он свободен от таких понятий, как «почему», «вина» и «прощение». Я могла подробно объяснить всё насчет толя и теплоизоляции и насчет того, что крыша в доме – самое важное. Могла рассказать, что бы случилось, останься она под крышей. Но какой смысл? В мире белка грамматика проще, чем в моем, там нет закавык вроде сослагательного наклонения «случилось бы». Она не вдавалась в причины и следствия. Прошлое было памятью о конкретных зернышках, связанных с особыми местами, хотя порой она и это забывала. Из притяжательных местоимений хватало одного – «мой».

Поскольку белка, по всей видимости, примирилась с выселением, казалось, будто одна из проблем с кровельными работами решена. И хорошо, потому что уже после обеда пришли плотник с помощниками. Они хотели сразу оторвать кусок кровельного толя и глянуть, что там под ним. Принесли и установили лестницу, и двое влезли наверх.

Вот тогда-то выяснилось, что белка отнюдь не была согласна. Наоборот, она сочла это возмутительным вторжением в ее владения, а споры за территорию способны вызвать весьма сильные эмоции. Она примчалась по соснам, словно Тарзан на тропе войны, и в несколько прыжков очутилась на крыше. Там она встала на задние лапки, вытянулась во весь рост и разразилась очередью цокающих проклятий. Серьезность свою она подчеркнула, притопывая лапкой. Плотники смотрели на нее с восхищением и страхом, потом нагнулись и оторвали толь.

Признаться, она вызвала у меня симпатию. Какая независимость, какое мужество! И всё же она проиграла схватку за территорию: выселение было неизбежно. Теперь ее жилье под

крышей saniруют, и на время домом завладеют плотники. Собрав вещи и напоследок обойдя дом, я отдала им ключ.

Когда новый толь и теплоизоляция водворились на свои места, весна продвинулась еще немного вперед, а кровельные работы подошли к новому этапу. Настала пора установить новые лотки с водосточными трубами, и жестянщик хотел знать, надо ли их прилаживать к бочкам для дождевой воды.

Ясное дело, надо, ведь бочки для дождевой воды и практичны, и вызывают приятные ассоциации. Через интернет я нашла подержанные железные бочки подходящего зеленого цвета, а продавец согласился доставить их на участок. Короче говоря, от меня требовалось только быть на месте и получить их. В это время я надеялась также встретить возвращение перелетных птиц, которые летом жили на участке. В качестве маленького приветственного подарка я купила скворечник, а заодно приобрела дождемер для не слишком больших количеств воды.

На той неделе, когда я приехала, работники отдыхали, но с участка всё равно доносился энергичный стук. Дятел. Видимо, его вдохновили плотники и вешнее солнце. Такое впечатление, будто дятлы каждую весну выдалбливают новые дупла, где можно вывести и сообща выкормить птенцов. Хотя они справедливо делят родительские обязанности, особо общительными их не назовешь, однако барабанный перестук объединяет их и передает необходимую информацию. В экспериментах дятлы даже научились просить разные вещи, варьируя число ударов клювом. Как барабанщики они сущие виртуозы, да еще и меняют высоту тона, стуча по разной древесине.

Клюв действует не только как долото: он еще и молоток, и подъемный рычаг, и зубило, и детектор насекомых – всё в одном. И дятел охотно это демонстрирует. Легкие зондирующие постукивания по дереву локализуют личинок, после чего он поднимает кору, чтобы извлечь лакомство, а затем вполне может использовать клюв как бур для строительства нового жилья. Интересно, сколько дупел он уже наделал на участке. В одном из них, например, жил поползень, который на всякий случай прикрыл вход с помощью глины, чтобы дятел не взял с него плату, съев птенцов.

Как и все дома, птичьи жилища кое-что говорят о своих обитателях: если дятел, к примеру, выстилал дупло стружкой, то поползень – кусочками коры. Гнездо черного дрозда, упавшее возле навеса, было поистине произведением искусства. Переплетенные еловые веточки снаружи законопачены мхом и полосками бересты, внутренность же выровнена глиной и выстлана мягкой травой. А почему бы птицам не ценить красоту и добрую ручную работу? Некоторые экзотические виды постоянно украшают свои жилища свежими цветами, другие же собирают вещицы определенного цвета и сооружают из них инсталляции, посреди которых танцуют для своих дам.

Благодаря привезенному скворечнику я чувствовала себя немножко причастной к устройству птичьих жилищ. А поскольку лазать по деревьям не люблю, выбрала модель, которую можно повесить на ветку, – красный домик, похожий на наш; только вот крепление было не

очень удачным, при сильном ветре возможна сильная качка. Впрочем, зимой шаткий домишко, пожалуй, сойдет за кормушку.

Подвесив скворечник, я некоторое время занималась устройством собственного жилья. Места было не так уж много, но лампу и мамины занавески с узором из полевых цветов я пристроила. Потом снова вышла на воздух и, к собственному удивлению, увидела, как синичка-лазоревка нырнула напрямик в мой нескладный скворечник, хоть он и качался. Легкий хлопок – и ее тельце проскочило в отверстие.

Я знала: что касается жилья, лазоревки неприхотливы, ведь в Стокгольме одна из них жила у меня в кухонной вентиляции. Высунувшись из окна, я иной раз видела в щелках вентиляционного вывода темные глазки. Относились мы друг к другу с известным любопытством. В первый раз, когда синичка прилетела и обнаружила меня за кухонным окном, она поспешно вернулась на лужайку соседнего двора, где клевала личинок. Как только я отошла в глубь комнаты, она прилетела снова, но стоило мне приблизиться к окну, всё повторилось. И неоднократно. Лазоревка прилетала и тотчас улетала, завидев в окне мой силуэт, я отходила – и она возвращалась. Прямо как туры танца. Мало-помалу она осмелела. Из квартиры я видела, как она села на подоконник, чтобы последить за мной. А то, что она, подобно всем птицам, воспринимала мир несколько иначе, нежели я, еще усиливало ее интерес. Формы и расстояния она отчасти оценивает посредством теней, а чтобы высматривать насекомых, ее глаза как бы их увеличивают. Вероятно, я представлялась ей чем-то загадочным.

Наше знакомство стало и более безопасным, и более странным оттого, что нас разделяло стекло. Писатель Бьёрн фон Розен писал, как поползень перелетал с одного окна на другое, следя за его передвижениями в доме. Их контакт начался с того, что птицу кормили с подоконника, и постепенно она стала подлетать к фон Розену и вне дома. У нас с лазоревкой такие отношения не сложились, хотя порой я перехватывала взгляд, говоривший о любопытстве и робости.

Она была из тех, кто сменил сокращающиеся лиственные леса на город, где условия совсем иные. Для птиц это означало не только строительство гнезд в домах, а не на деревьях. Большим синицам пришлось петь на более высоких частотах, чтобы перекрыть уличный шум, а черным дроздам – ускорить темп развития. В городе больше света, поэтому они просыпались раньше, и биологические часы у них тоже шли быстрее, так что они скорее становились половозрелыми. Их словно бы заразил городской стресс. Растущая урбанизация захватила многих живых существ, и с моего балкона я могла видеть с десятков разных видов птиц. Однажды мимо меня на тротуар даже посыпались перья. Ястреб-перепелятник разорил голубиное гнездо, ведь за одним видом неизбежно последовал и другой.

Но все-таки птицы ассоциируются у меня не с городскими стенами, а с вольным полетом. Когда за письменным столом меня охватывала сходная легкость, я всегда думала о множестве птичьих перьев, что окунались в чернила. Тысячелетиями в них жила давняя мечта о возможности свободно летать, подобно Икару и ангелам, ведь, пусть даже тело было тяжелым, слова и мысли легко парили в эмпиреях.

Леонардо да Винчи заполнил целые книги наблюдениями за полетом птиц. Он понял, что воздух ведет себя примерно так же, как вода, и показал, как он течет над и под крыльями. Благодаря его исследованиям братья Райт впоследствии смогли сконструировать самолет. Например, они сообразили, что хвостовое оперение птиц важно для маневренности полета.

Однако по сей день ни один пилот не может соперничать с птицами. Меня их полет просто ошеломляет. Некоторые на скорости шестьдесят километров в час могут резко затормозить и опуститься на качающуюся ветку, некоторые способны спать или спариваться на лету. Перья стали чуть ли не дополнительным органом чувств, так как у своего основания они передают кожным нервным окончаниям напор скорости ветра. При движении крыльев вверх опахала перьев растопыряются, а когда крылья толкают воздух вниз, особые крючочки не дают им растопыриться. Совершенно одинаковых перьев не существует, и ни одно в полете не может обойтись без других.

Во время своих долгих миграций перелетные птицы держатся вместе. Они послушны тем же законам, каким подчиняется столь многое под солнцем, ведь движение Земли вокруг светила воздействует на жизнь всей планеты. К счастью, никто не замечает, что движется она со скоростью сто восемь тысяч километров в час, и в этом движении сеть меридианов влечет над Землей пятьдесят миллиардов перелетных птиц. Чтобы оказаться ближе к солнцу, одни без остановки преодолевают тысячи миль, другие даже перелетают через Гималаи. Они могут прихватить с собой семена, прицепившиеся к оперению, а заодно и насекомых, которые, стало быть, тоже путешествуют. Крылья заставляют воздух трепетать, словно от упоения. Там, в вышине, миллионы птичьих сердец стучат в десять раз быстрее моего собственного сердца, обеспечивая птичьи тела энергией и теплом.

Что движет перелетными птицами? Без сомнения, они чувствуют температурные различия, ибо в связи с изменением климата миллионы перелетных птиц сократили свои путешествия; многие попросту остаются на всё более теплом Севере. Белки и те порой реагировали на изменение температуры. Со времен Средневековья в Финляндии бытуют рассказы о том, как по-настоящему лютые зимы гнали их на восток. Тогда они передвигались многомильным фронтом, хотя все маркировали свою самостоятельность, держась друг от друга на расстоянии. В Швеции видели похожую миграцию белок холодной снежной зимой 1955 года. Однако наиболее драматична история из Сибири. Там стаи белок отправлялись в безумные странствия, и ни горы, ни реки их не останавливали. Многих находили в полном изнеможении, с гнойными ранами на лапках, иногда парализованными, но все, кто мог, продолжали поход. В студеном 1847 году тысячи белок переплыли Енисей и на другом берегу вторглись в город Красноярск, где их убивали во множестве.

Этот феномен побудил меня снова задуматься о белках. Ведь они одиночки, зверьки, охраняющие свою территорию, так что же гнало их всем скопом на восток? Может быть, несмотря ни на что, они воздействовали друг на друга, или какой-то внутренний барометр подсказывал им, что близится резкий температурный перепад?

В свою очередь, перелетные птицы как будто бы обладают и внутренним барометром, и датчиком освещенности. Осенью, как только свет начинает меркнуть, миллиарды птиц вдруг снимаются с места и летят на юг, словно исполинская толпа чартерных туристов. Подобно всем воздушным путешественникам, они должны избегать избыточного веса, так что им следует с точностью до грамма знать, сколько пищи можно запасти в теле. Во многих случаях количества калорий, содержащихся в одном орехе, достаточно для перелета в Африку. Но тело нуждается и в другом весе: грудные мышцы, необходимые для движения крыльев, быстро растут, как и клетки мозга, помогающие им в этом. А вот мочевой пузырь – это балласт, каким ограничилась эволюция, потому что во время перелета земля примет все отходы.

Расписание давным-давно заучено, и отстать никто не желает. Аист с раненым крылом, которого в 1933 году лечили на немецкой орнитологической станции, был охвачен таким бес-

покойством, что пустился в дорогу. Лететь он не мог, но за шесть осенних недель прошагал пешком сто пятьдесят километров в том же направлении, в каком улетели его сородичи. Курс он, вероятно, знал с детства, поскольку даже те, кто совершает перелет впервые, должны добраться до цели. Подобное же беспокойство овладевает скворцами, запертыми в клетке. Обратясь к югу, они весь перелетный период упорно бьются о решетку.

Ведь у перелетных птиц есть также внутренние карты. Они обеспечивают их не только картиной земли, но и точечными звездными письменами. Птенцы морских ласточек еще в гнезде смотрят на небо и через несколько недель запоминают положение солнца и различных звезд. Полярная звезда – это для них север. Перед отлетом они специально делают круг над гнездом, чтобы запомнить географию родных мест. За время путешествия географический образ бесконечно расширится.

В «Чудесном путешествии Нильса Хольгерссона по Швеции с дикими гусями» именно движение перелетных птиц оживляет географию. Книга была задумана как хрестоматия для народной школы, и издатели любезно снабдили Сельму Лагерлёф кучей сухих сведений из багажа знаний старшего учителя. Прочитав всё это, она приуныла. Как оживить факты? Как вдохнуть жизнь в топографические желто-зеленые поля и записки о климате и флоре? Решение нашлось: она наполнила ландшафт животными – и густые кусты разом зашевелились, а в кронах деревьев грянули песни.

На мысль о том, чтобы сделать животных носителями действия, ее навела «Книга джунглей» Киплинга, где мальчик перенял у животных язык и мораль. Киплинговскому волку-вожаку Акеле у нее соответствует гусыня-вожак Акка, а тигр Шер-Хан сродни лису Смирре. Природа джунглей не похожа на природу Швеции, и в книге Сельмы Лагерлёф действуют лоси, утки-кряквы, лебеди и орлы. Ведут они себя примерно так, как обыкновенно ведут себя в своей среде, и, хотя наделены речью, не очеловечены, как в старых сказках или в мире будущих диснеевских мультипликаций. Они лишь показывают, что человек не есть мера всего.

У Лагерлёф лис Смирре преследует стаю гусей через всю Швецию, и это, конечно, абсурд, но лис стал красной нитью, обеспечившей весьма путаному путешествию диких гусей причину и драматизм. Нельзя сказать, что Лагерлёф была незнакома с жизнью природы. Еще в детстве она узнала, что домашний гусь может улететь вместе с дикими гусями, а потом вернуться со своими гусятами, а касательно повадок диких гусей она консультировалась со специалистом по перелетным птицам. Вместе с тем природа у нее ожила именно в языке, и позднее писатель Мишель Турнье поставит «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона» в один ряд с такими классическими произведениями, как басни Лафонтена и «Маленький принц» Сент-Экзюпери.

Лично я считаю, что крылатые друзья Нильса Хольгерссона отесняют наиболее неправдоподобные выдумки саги на задний план. Они и в реальности сказочны. Непостижимые органы чувств позволяют им, легким, словно письма, преодолевать штормовые моря и огромные континенты и попадать в точности куда надо.

Как-то раз мне захотелось посмотреть на их отлет с близкого расстояния, и прохладным сентябрьским вечером я села на последний автобус в районе Вемменхёга, где начал свое путешествие Нильс Хольгерссон. С собой я захватила маленькую горную палатку и зонтик с изображением звездного неба, чтобы участвовать в птичьем ориентировании. Целью было побережье Фальстербу, где они пролетят. На конечной остановке уже царила тьма, но благодаря маяку я нашла место, поросшее низкой травой, где горизонт казался совсем близким. Когда я устроилась на покой, над палаткой послышался слабый шорох. На картинках я видела, как миллионы перелетных птиц покрывают на экране радара всю береговую линию, так что она словно бы цветет и стекает в море. Сейчас летучая береговая линия была надо мной.

Я лежала в мягком спальнике, и этот шорох накрывал меня, словно гусиное крыло. Я представляла себе, как озера, реки и горы вливаются в память летящих птиц быстрее, чем у иных школьников. Ведь им надо повсюду увязывать широту с долготой. Их органы чувств вбирают всё вокруг, а поскольку глаза у них расположены по бокам, поле зрения у них широкое. Над морем добавляется инфразвук движений волн, но самое главное – чувство Земли. В невероятных ее глубинах течет расплавленное железо, создавая магнитные токи, по которым птицы ориентируются, подобно железным опилкам. Это обеспечивает им ощущение направления, помехой которому является только электромагнетизм городской электроаппаратуры. Ведь они живут в куда более интенсивном контакте с движениями Земли и Солнца, нежели мы.

Выглянув на рассвете из палатки, я пребывала еще на пограничье меж полетом во сне и реальностью. В траве белело сказочное яйцо. Его внимательное рассмотрение лишь подтвердило, насколько птичья способность ориентироваться превосходит мою, потому что яйцо оказалось мячиком, а место моей ночной стоянки – полем для гольфа. Но, упаковывая палатку, я подумала о том, что птичье яйцо уже содержит все предпосылки для кругосветного путешествия.

Яйцо – исходный мир птицы, и, если хочешь создать себе связь с маленькой жизнью внутри скорлупки, начинать надо с него. Так поступил Конрад Лоренц, изучая серых гусей. Они пленили его еще в детстве, когда однажды на берегу Дуная он услышал пролет стаи диких гусей. Мальчик знать не знал, куда они летят, но ему отчаянно захотелось присоединиться к ним. Впоследствии, пытаясь выразить свои ощущения в картинах, он на всех изображал гусей.

Позднее, уже став зоологом, Лоренц следил за их жизнью другим манером. В его доме тогда было полным-полно аквариумных рыбок, собак, обезьян, грызунов, попугаев и галок, но с серыми гусями, которых он растил сам, у него сложились особые отношения. Чтобы увидеть, как они вылупляются, он подложил несколько яиц под домашнюю гусыню, которая высидывала их, пока птенцам не подошло время проклюнуться. Тогда он поместил одно яйцо в инкубатор, где мог наблюдать за вылуплением. Приложив к яйцу ухо, он слышал внутри писк, постукивание и ворочание. Потом в скорлупе появилась дырочка, высунулся клюв, а немного погодя на него посмотрел глаз. Затем послышался контактный сигнал серых гусей, тихий, словно шепот, и он ответил так же. После этой приветственной церемонии он стал родителем гусенка, так как птенец запечатлел его в своей памяти.

К тому, что произошло дальше, Лоренц вовсе не стремился, но с той минуты он не мог оставить птенца буквально ни на минуту. Каждый раз, когда он порывался отойти, тот издавал душераздирающий писк, и ему пришлось целыми днями носить гусенка с собой в корзинке, а ночью брать его в постель. Через равные промежутки времени раздавался контактный сигнал – короткое вопросительное «пи-пи-пи-пи». В «Чудесном путешествии Нильса Хольгерсона» Сельма Лагерлёф толковала этот звук как «Я здесь, а где ты?» – и Лоренц тоже считал, что смысл именно таков. Пока птенец подрастал, ему приходилось непрерывно поддерживать этот коротенький обмен репликами, потому что беспомощные птенцы требуют постоянного контакта. Когда гусенок и его братья-сестры подросли, Лоренц ходил с ними на луга, где они щипали зеленую травку, или к озерам, где они вместе плавали, а когда птенцы стали на крыло, бежал под ними, раскинув руки. Чтобы птицы приземлились, достаточно было просто нагнуться.

Но гусям также необходимо общаться между собой, особенно во время продолжительных перелетов. Громко переключаясь, они не отпускают друг друга из виду и держатся вместе, словно велосипедисты на соревнованиях. Как и журавли, они летят клином, так что крылья каждого гуся создают воздушный вихрь, поддерживающий птиц, следующих наискось сзади.

Другие птицы группируются в полете иначе. Южнее я видела десятки тысяч скворцов, образовывавших тучи, которые волшебным образом переливались, соединяясь и разъединяясь, точно клубы дыма или абстрактные фигуры, живые и изменчивые. Будто на одном дыхании, они поднимались и опускались у горизонта, где попеременно то сгущались, то редели, то как бы создавали в воздухе отпечаток пальца, то казались разреженной дымкой. Такое явление называется мурмурацией. Мне нравится это слово. В нем есть что-то от бормотания, журчания и шороха, ведь тут сплавляются воедино отдельные голоса.

Но как возникают подобные птичьи стаи? По крайней мере, теперь ученые начали понимать, каким образом все индивиды в них наблюдают друг за другом. Поскольку поле зрения у птиц шире и восприятие быстрее, чем у нас, каждая птица наблюдает за семью другими. И всё же их молниеносная координация – загадка. Даже когда сотни тысяч птиц летят очень близко друг к другу, они никогда не сталкиваются. Не сбавляя скорости, они могут изменить направление за семидесятую долю секунды, а при такой быстроте обычная коммуникация невозможна. К тому же каждая птица по отдельности реагирует медленнее. Может быть, они поддерживают какой-то незримый прямой контакт?

Так и оказалось. В 1990-е годы в мозгу были открыты особые нервные клетки, которые возбуждают поведение, наблюдаемое у других. Их назвали зеркальными нейронами, и именно благодаря им мы заражаемся друг от друга смехом, жестикуляцией или зевотой. С их помощью в птичьих стаях распространяются малозаметные движения, поскольку в социальных группах необходимо быстро «вживаться» в обстановку.

Значит, реакции у всех членов стаи просто взаимоусиливаются? Мне вспомнился феномен, который после исследования обезьян на Японских островах назвали «сотая обезьяна». Ученые кормили обезьян сладким картофелем, и в один прекрасный день одну из молодых

обезьян осенило. Чтобы удалить грязь с корнеплода, она стала мыть бататы в море, и постепенно остальные начали ей подражать. А потом вдруг случилось нечто странное. Скажем, после того, как эту модель поведения переняла сотня обезьян. На близлежащих островах обезьяны тоже начали мыть бататы.

Примерно тогда же нечто подобное заметили и у птиц. В 1950-е годы молочные бутылки в Англии закупоривали тонкой алюминиевой фольгой. Утром молоко ставили у дверей каждого дома, и лондонские синицы-лазоревки быстро смекнули, что могут проклюнуть крышку и добраться до верхнего слоя сливок. А очень скоро все английские лазоревки овладели этим трюком.

Создавалось впечатление, будто по достижении определенного уровня группы способны расти быстрее и менять характер, как бы преодолев некий критический порог. В книге «Масса и власть» Элиас Канетти описал, как группа людей внезапно может превратиться в неуправляемую толпу. Таким же образом их увлекают идеи и культурные движения. Я сама видела, как поэты сообща, точно скворцы, могли изменить курс, несмотря на то что поэзия сугубо индивидуальна. Я даже написала об этом книгу.

Что-то в психологии групп и привлекало меня, и настораживало. Напоминало два сна из моего детства. В одном я свободно летала, раскинув руки и ноги, как в архетипической полетной фантазии. В другом сне я, напротив, видела, как некие космические существа кололи людям вакцину единообразия. Все, кому сделали укол, старались внушить мне, что преобразование чудесно, но явное единообразие было для меня кошмаром. Я не знала, что меня пугало: унификация или утраченный контроль. Знала только, что, подобно белке, хочу быть независимой и, подобно птицам, летать свободно.

Хотя вопрос в том, насколько они свободны.

Между свободой и объединением, одиночеством и общностью существует динамика, и у птиц она проявляется весьма ярко. В своем крылатом бытии они отмечены воздействием смен времен года, влиянием окружающей среды и генами, накопленными многими поколениями. Кроме того, они ищут друг в друге и проводников, и защитников. На птичьем базаре острова Стура-Карлсё я видела тысячи кайр, теснившихся вплотную друг к другу, поскольку тогда риск стать добычей хищных птиц уменьшался, а соседи, нырявшие в море, показывали, где есть рыба.

Одновременно все они были уникальны, и каждая птица находила свое яйцо среди четырнадцати тысяч других. Каждый только что вылупившийся птенец опять-таки узнавал в оглушительном гаме голоса родителей. Он слышал их еще в яйце, сквозь скорлупу, и различал среди тысяч других.

Сходным образом дело обстоит повсюду. Еле заметные нюансы отличают уникальные яйца, уникальных птиц и уникальных певцов, ведь жизнь состоит из миллиардов существ с судьбами, не поддающимися никакой классификации. В осенних формациях перелетных птиц это не проявляется, но зато весьма заметно, когда они весной возвращаются обратно. Тогда групповое ощущение, царившее во время осеннего перелета, как ветром сдувает, и коммуникация меняет характер. В том же воздухе, что прежде нес слитные птичьи стаи, теперь разносятся пограничные песни, которые будут держать на расстоянии самцов того же вида.

Ведь песня сообщает не только о принадлежности к определенному виду. Она комбинирует «я» и «мы», словно имя и фамилию, и «я» раскрывается в тончайших своих оттенках, которые и заставляют самочку выбрать из многих именно этого певца. Впоследствии его своеобразность обеспечит всему виду еще больше вариаций.

Мне казалось, в этом птичьем хоре, где все являют свое крохотное «я», сквозит легкая трогательность. Запоздалая трель лазоревки и та претендовала на центральное место. Хотя почему бы и нет? Бесконечное крещендо Большого взрыва началось с крохотного средоточия всех возможностей. Пожалуй, и несколько простых нот тоже могут иметь значение.

Песня говорит нечто большее, чем «я здесь». Я заучивала птичьи песни с помощью словесных цепочек. В таких птичьих разговорниках пеночка говорила: «Милая мама, мне можно в кино?» – а овсянка говорила по-английски: *A bit of bread and no cheese*. Эти цепочки сообщали ритм, но не смысл, а сочетания букв не передавали звуков, какие пытались изобразить. Песня черного дрозда решительно не «тру-тру-трули-тру-тит-тит».

Птицы общаются музыкальными тонами, мы же относимся к сравнительно музыкально-глухому виду. Мы не слышим ни обертонов, ни семисот пятидесяти тонов, какие за минуту способен издать крапивник. Песенка зяблика и та имеет тонкости, которые мы слышим, только если замедлить ее в десять раз.

Кроме того, горло у птиц не такое, как у нас, их голосовой орган – сиринкс – может воспроизводить разом несколько тонов. В греческой мифологии Сиринга (*Syrinx*) – нимфа, спасаемая от любвеобильного бога Пана, превратившись в тростник. Когда он разочарованнодохнул на стебли, тростник запел, и Пан сделал из него флейту-сирингу, которая выпевала разом несколько тонов. В сиринксе птиц на одном дыхании без слышимой паузы формируются невероятно быстрые, сложные звуки, так как их воздушный мешок занимает треть тела и они делают в секунду два десятка вдохов.

Похоже, птицам важна и красота. Когда они поют особенно удачно, тело даже получает химическое вознаграждение в виде дофамина и окситоцина. Так происходит в особенности осенью, когда песня не маркирует территорию и не приманивает самочек, а просто поется, и всё.

И наслаждаются звуками не только они сами. Когда около ста тысяч лет назад мои собственные пращуры обзавелись гортанью, им захотелось подражать птицам. Древнейшие найденные музыкальные инструменты – это флейты, зачастую сделанные из птичьих косточек. Позднее, когда возникли слова, только поэзия могла создать что-то сродни песенной интонации, ритмам и звукам, ибо лирика уходит корнями в музыку. Греческую поэзию первоначально декламировали нараспев, и Аристотель полагал, что восходящий тон ямбов подходит для танцев.

О чем же думал Аристотель, гуляя по Лесбосу и слушая птиц? Думал ли он, что они отчасти угадывают то, о чем он писал: поэзию, небо, душу и быстротечность жизни? Может быть, он сравнивал птичьи песни с собственной поэтикой, как бы в грамматике музыкальных тонов?

Я бы охотно обсудила с ним всё это. Его бы наверняка заинтересовало, что ученые выяснили о воздействии музыкальных звуков. Возгласы, какие слышишь как от собачников, так и от родителей маленьких детей, могут, например, двумя тонами выразить разные вещи. Короткие звуки, если понижаются, предостерегают и выражают неодобрение («Фу-фу!»), а если повышаются, становятся приказом («Ко мне!»). Длинные звуки, когда они понижаются, ощущаются как более мягкие и успокаивают («Тс-с! Тс-с!»), а повышаясь, подбадривают («Хорошая девочка!»). Носитель эмоции – интонация, которую воспринимают даже те, кто не понимает слов. Может быть, ритм бессознательно напоминает биение сердца матери, услышанное в утробе? Если она была спокойна, сердце билось медленно, а если возбуждена или напряжена – быстро.

Аристотель действительно хотел понять мир птиц. Меж тем как его ученик Теофраст с головой ушел в лилии и майоран, сам он вникал в особенности ста сорока видов птиц, начиная от формы и функции клювов и кончая яйцами и тонкостями яичного желтка. Но прежде всего ему хотелось разобраться в жизни птиц. Он первым попытался объяснить их ежегодные миграции, собрал на удивление много наблюдений, связанных с птичьим пением, и обобщил их.

Например, он заметил, что птенец, только что вылупившийся из яйца, петь не умеет: пению надо учиться. Когда птенцы в гнезде слушают своего поющего отца, в их мозгу разрастаются сети нервных клеток. При отсутствии учителя песня станет неузнаваема. Мелодии тоже необходимо отрабатывать десятки тысяч раз, сравнивая с воспоминанием о песне отца. И все-таки результат будет иметь небольшие индивидуальные отличия.

Люди тоже учили птенцов петь. В XIX веке немецкие лесничие выкрадывали птенцов из гнезд снегирей и, когда кормили их, насвистывали простенькие мелодии. Как ни странно, птенцы подхватывали мелодии, хотя это могли быть фрагменты народных песен или что-нибудь из классики, а снегيري вообще-то петь не мастера. Скворцы достигли в подражании мелодиям куда большего; так, в свое время у Моцарта был ручной скворец, который научился высвистывать небольшую тему из одной его фортепианной сонаты.

Однако лучшие имитаторы – попугаи. В дикой природе это птицы общественные и коммуникабельные, а находясь среди людей, они могут подражать как мелодиям и инструментам, так и интонациям и фразам. Аристотель действительно как будто бы немножко с ними разговаривал, поскольку указывал, что от алкоголя они становились весьма дерзкими. Может, на Лесбосе он разделил с попугаем бокальчик рецины? И пусть обмена мнениями, как в афинской Академии, не получилось, но он справедливо предположил, что и другие виды могут иметь свой язык. Здесь он тоже был первопроходцем.

Наиболее ярко дар речи проявляется у серых попугаев жако, ведь, согласно Книге рекордов Гиннеса, один из них обладал словарным запасом в восемьсот слов. Но самым знаменитым стал серый жако по кличке Алекс. Исследовательница Айрин Пепперберг обучила его начаткам английского по совершенно особой причине. Она хотела показать, что птицы понимают абстрактные понятия и сложные вопросы.

Поскольку губ у птиц нет, Алексу было трудно произнести звук *n*, но мало-помалу он овладел сотней слов, с помощью которых его и тестировали. Он без труда идентифициро-

вал пятьдесят предметов, семь цветов, пять форм и разные материалы. Понимал цифры от одного до шести, а кроме того ноль, или ничто. Различал такие понятия, как «больше» и «меньше», «одинаковые» и «разные». Умел он выражать и свои эмоции и, когда чего-нибудь не желал, решительно говорил «нет». Если ему чего-то хотелось, он порой использовал слова весьма творчески. Яблоко, *apple*, он называл *banerry*, потому что вкусом оно напоминало банан, *banana*, а выглядело как вишня, *cherry*. Пирожное он именовал *yummy-bread*, то бишь «вкусный хлеб».

Слова он заучивал, наблюдая за двумя ассистентами, которые сидели перед ним и просили друг у друга разные предметы. Чтобы ему было легче идентифицировать себя с ними, они пытались принимать птичьи позы, но Алекс подхватывал и их реплики, обращенные друг к другу, и применял их как надо. Хотя человеческие слова для птиц не характерны, они позволили проникнуть в чуткий мозг Алекса. Этот случай доказал, что птицы способны понимать как абстрактные понятия, так и сложные вопросы.

Касательно ментального мира птиц люди явно во многом ошибались. Недоценивали их интеллект, а равно и коммуникацию. Мало того что множество тонов ускользают от нашего слуха, но и внутренний порядок звуков тоже имеет значение. Американские буроголовые гаички разными способами комбинируют шесть нот, примерно как слоги разных слов.

Сравнимо ли птичье пение с нашей речью? И Аристотель, и Дарвин были готовы это признать. И, как выяснилось, связь действительно существует, хотя кроется глубоко в мозгу птиц. Пока ученые занимались обмером черепов, птицы угодили в самый низ интеллектуальной шкалы. Когда же биологи стали вникать в устройство нервных клеток мозга, то оказалось, что и у нас, и у птиц они связаны между собой сходным образом, а вдобавок обучение происходило примерно в одних и тех же участках мозга. Разница лишь в том, что птичьи нейроны плотно насыщены быстрыми связями, поскольку объем мозга меньше.

И это еще не всё. За сходствами обнаружилась и общая генетика. В 1998 году был открыт ген, получивший заковыристое наименование *Forkhead box protein P2*, сокращенно *FOXP2*. В обиходе его называют геном речи, поскольку его мутации могут вызывать речевые затруднения, а возможно, и аутизм. Но этот ген есть не только у нас. Его нашли также и у других животных, когда мутации создавали аналогичные проблемы; так, например, у птиц его мутации вели к заиканию или к трудностям с подражанием.

Высоко надо мной на верхушке сосны распевал черный дрозд, ничуть не заикаясь. Нейроны соединялись молниеносно, и если песня действительно речь, то черный дрозд – лингвистический гений. В целом он не хитроумнее монотонно воркующего голубя или нечленораздельно каркающей вороны, ведь бывает и молчаливый ум, а речь имеет несчетные варианты. Но птичье пение среди них, пожалуй, наиболее красиво. Поскольку начинается оно весной, а потом смолкает, в нем сосредоточена яркость мимолетного. Как и в наших песнях, речь там, наверно, идет о всё той же древней любви, и тем не менее все птицы умудряются сделать свою версию чуточку личной. Вот так жизнь и поэзия продолжают свою вековую тему.

Перелетных птиц я встретила не так уж много, потому что большинство, кажется, зимовали на участке. Наконец прибыли железные бочки, которые будут собирать дождевую воду с крыши. Когда их с грохотом подкатили к углам дома, я пригласила продавца на чашечку кофе, а после того как поблагодарила его за доставку, он рассказал, что бочки объездили чуть не полмира. Сперва из какой-то экзотической страны в них привезли сок в гавань Роттердама, а оттуда они отправились к какому-то смоландскому оптовику. Мысленно я ассоциировала их путешествия с миграцией перелетных птиц. Птицы следовали за жарким солнцем, а бочки с золотисто-желтым соком составляли им компанию. Когда вдали, у пролива, загалдели чайки, мне даже показалось, будто я почувяла атмосферу транзитной гавани этих бочек.

В таком вот настроении я, оставшись одна, собиралась пообедать. Пока разогревалась привезенная из города рыбная запеканка, я отмыла садовый стол, унаследованный от прежних хозяев. Какая-то птица, понятия не имеющая о застольных манерах, оставила там свою визитную карточку, и, прежде чем принести запеканку, я постелила скатерку. Запеканка соблазнительно пахла, и для полного удовольствия недоставало лишь холодного пива. Чтобы сходить за ним, мне потребовалось полминуты, но внимательной птице этого хватило. Когда я вернулась, посреди запеканки стояла сизая чайка.

Молниеносная атака с ясного неба. Я вообще не видела ни одной чайки, а они учуяли запах рыбы еще с пролива. И сейчас чайка с перепачканными соусом лапами спокойно взлетела. Рыбное филе было уже съедено.

В юности я любила чаек за их парящий полет над морем. В ту пору я знала о них не особенно много и в своей непросвещенной любви, вероятно, была далеко не одинока, ведь в 1970-е годы миллионным тиражом вышла повесть о чайке по имени Джонатан Ливингстон, которую затем экранизировали. Речь там шла о птице-философе, которая в одиночестве парила высоко над материальными склоками группы. С настоящими чайками у Джонатана было мало общего, ведь они очень общественные птицы. Когда в 1950-е годы нидерландский зоолог Нико Тинберген начал их изучать, перед ним открылся целый социум. Все телодвижения и все голосовые модуляции рассказывали о пище и опасностях, злости и подчинении, сотрудничестве и образовании пар, птенцах и подходящем жилье.

Подобно очень многим птицам, чайки перебрались теперь в населенные людьми места, где помойки и рестораны всегда обеспечивают их пищей. Крыши домов в качестве жилья надежнее прибрежных скал, и из окна своей стокгольмской квартиры я следила за всеми жизненными перипетиями семейства чаек, обитавшего на соседней крыше. Видела, как птенцы учились летать и как, когда один птенец упал с крыши, чайка-мать пикировала с воздуха на всех, кто приближался к нему по тротуару.

С той же легкостью, с какой перемещаются в воздухе, чайки передвигаются в любой среде. Пить они могут как соленую воду, так и пресную, а их меню простирается от рыбы до мелких грызунов и всего съедобного, что люди разбрасывают вокруг себя. Вдобавок они изобретательны: к примеру, энергично топая лапой по земле и имитируя дождь, выманивают дождевых червей. Даже видели, как они подманивают к себе золотых рыбок в прудах, держа в клюве кусочек хлеба. Смышленная чайка найдет тысячу способов пообедать. И с какой стати ей различать морскую рыбу и фабричную рыбную запеканку? Во всяком случае, пиво у меня осталось, и я могла добавить к нему бутерброд.

По-прежнему стоял светлый вечер. По-прежнему черный дрозд распевал надо мной свои песни с бесконечными вариациями, ведь в небесах нет границ. Высоко над землей они полнятся жизнью, так что, пока мой обед переваривался меж парящих крыльев, я чувствовала, что при каждом вдохе разделяю воздух с тысячами других существ.

В том числе с белкой, которая как раз скакала по крыше, где недавно устроила сцену. Сейчас она опять казалась вполне довольной жизнью, чем порадовала и меня. Хотя странно, что она вдруг исчезла с крыши. Подойдя к дому, я почувствовала: кое-что повторяется. Крыша была пуста, а новая сетка, которую плотники натянули между кровлей и стеной, была по-весеннему зеленой и свежей. Но вот ведь какая штука: в том углу, где у белки был старый вход, только что прогрызли новую дыру.

Жужжание у двери

Весна выдалась суматошная не только для птиц. До начала лета и мне, и рабочим надо было еще много чего сделать в доме, так что мои визиты туда участились. Белке я мешала до такой степени, что в доме ей разонравилось, а в этом отчасти и состояло мое намерение. Но на участок я приезжала с удовольствием, ведь как раз сейчас год открывался жизни. Пели птицы, набухали почки, просыпались мелкие насекомые. Их крылышки поблескивали скромно, неброско и всё же ярко.

Уже в марте в окно билась заспанная муха. Выгоняя ее на улицу, я думала о великом множестве насекомых, необходимых семейству большой синицы. Если муха сумеет найти партнера прежде, чем ее съедят, в течение месяца можно твердо рассчитывать на сотню тысяч новых мух, так что пусть летит искать партнера!

Немногим позже я помогла только что проснувшейся бабочке-лимоннице выбраться из дождемера. Это был солнечно-желтый самец, который, наверно, спешил покинуть свое зимовье, чтобы подготовиться к пробуждению самочек. Судя по всему, весенние эмоции завладели не только птицами. У бабочек тоже есть сердце, которое от запаха возможного партнера бьется быстрее, а у лимонниц, как мне показалось, страсть была особенно сильна. Спаривание может продолжаться неделю, и самец в самом деле отдаст самочке всё, в том числе питательные вещества и гормоны, которые повысят темп откладывания яиц. Стало быть, скоро на определенных листьях можно будет увидеть крохотные яйца лимонницы.

Прежде чем я сообразила, что жаждущим насекомым требуется мисочка с водой, маленький дождемер нечаянно стал для них ловушкой. Следующим в нем искупался крупный шмель. К тому времени, когда я выудила его из воды, он вконец выбился из сил, поэтому я сходила за ложкой сахарной воды. Спасательная операция явно получила достойную оценку. Когда он окунул в ложку свой хоботок, мне показалось, что его недовольство улетучилось. Шерстку он распушил с помощью лапок, демонстрируя акробатическую ловкость, и, когда она заблестела на солнце, мне захотелось погладить ее пальцем.

Я знала, какая мягкая у шмеля шерстка, потому что однажды мне довелось ощутить ее прикосновения. Как-то раз я в летний зной ехала в автобусе, и вокруг меня упорно кружил шмель. Возможно, от меня пахло цветочными духами, но его внимание было настолько назойливым, что мой сосед галантно вознамерился прогнать его, однако сумел только загнать его мне в вырез. Достать летуна оттуда галантность не позволяла, и шмель остался под блузкой.

Когда он там ползал, я чувствовала мягкую щекотку. Он меня не ужалил, поскольку я наклонилась, чтобы не придавить его, а может, вдобавок это был самец. Поскольку жало развилось из яйцеклада, обладают им только самки, да и те без необходимости его не используют. Обычно они сперва предостерегающе поднимают лапку или испускают неприятный запах масляной кислоты.

Тот шмель постепенно успокоился, и я тоже. Будь он ухверткой, я бы наверняка реагировала иначе. Несправедливо, конечно, но скелет у насекомых располагается поверх тела, и голый скелет вызывает неприятные ассоциации. Другое дело, когда у них яркие надкрылья, как у божьих коровок, или шерстка, как у шмелей. Ведь шмели по-настоящему пушистые: американские ученые насчитали на шмеле три миллиона тоненьких волосков – столько же, сколько у белки. Мне казалось, это неправдоподобно много, но, как бы то ни было, у меня они вызвали ощущение доверительной мягкости. В той долгой поездке, когда шмель отдыхал на моей коже, я решила выяснить о своем попутчике как можно больше.

Мой любительский интерес к биологии со временем изменился. В детстве меня завораживали экзотические млекопитающие вроде робкого окапи. Это странное животное выглядит как помесь жирафа, зебры и антилопы; мало того, у него есть еще и сходство с хамелеоном: глаза могут двигаться независимо друг от друга. Вплоть до XIX века эта живая сказка была науке неизвестна, так как пряталась в вековых джунглях Конго.

Но мало-помалу я поняла, что сказка может находиться совсем рядом. И необязательно среди млекопитающих, хотя с ними сопоставлять себя легче всего. Куда больше и древнее была совсем другая группа животных, и читать о ней – сущая научная фантастика.

Оказывается, есть существа, у которых пять тысяч глаз, уши в коленном суставе, вкус в лапах и трехмерное обоняние. Их речь, возможно, состоит из химии или вибраций и по-настоящему сложна. Уже двести миллионов лет назад они образовывали группу высокоорганизованных организмов, которая со временем стала чрезвычайно успешной. Сейчас они в совокупности весят втрое больше, чем все млекопитающие, рыбы, пресмыкающиеся и птицы, вместе взятые. Они насчитывают больше видов, чем все прочие животные, а на индивидуальном уровне в сто миллионов раз многочисленнее людей.

Короче говоря, насекомые – это полноправные представители биоразнообразия.

Воздушное пространство они завоевали задолго до того, как мелкие динозавры опробовали свои новенькие крылья. Стрекозы летали еще триста миллионов лет назад, а возраст самого древнего из найденных ископаемых мотыльков составляет двести пятьдесят миллионов лет. Поскольку насекомые малы размером и многочисленны, растут быстро и рано начинают спариваться, среди них возникает множество вариаций, а поскольку они обходятся малым количеством пищи, они успешнее других пережили земные катастрофы. Огромные динозавры вымерли, но пчелы, муравьи, жуки, кузнечики и вши сравнительно быстро оправались от неприятностей. Одновременно другие виды, в особенности птицы, развившиеся из динозавров, и цветы, возникшие из семян, упавших на выжженную землю, попали от них в зависимость. В итоге насекомые настолько вплелись в окружающую среду, что без них ее не станет.

К сожалению, мы не слишком их жалуем. Они кажутся крайне инородными, да и поставить себя на место исчезающе малой жизни отнюдь не легко. О тех, кто действительно совсем рядом с нами, например о комарах и блохах, никто вообще слышать не хочет. Потому-то насекомые были и остаются миром для увлеченных знатоков. Сама я не из их числа, но охотно слушаю тех, кто стремится передать другим свой энтузиазм. И я давно поняла, что исключительно благодаря насекомым весна полнится птичьим щебетом и цветами.

Пока что земля большей частью покрыта прошлогодней листвой и ветками, сорванными вешними бурями. Чтобы пробилась зелень, участок надо немного расчистить. Бывшие хозяева оставили в сарае инструмент для всякого времени года, от секаторов до ледобура, так что, разыскивая грабли, я могла заодно разобраться в этих сокровищах.

Однако нашлось там и кое-что другое. Возле кувалды валялось несколько заброшенных осиних гнезд. Я подняла их – до чего же легкие, словно сделаны из пылинок и крошечных крылышек, а ведь там помещалась растущая семья. Как эти невесомые жилища могли быть такими прочными?

Чтобы поближе рассмотреть конструкцию, я забрала гнезда в дом, который, кстати сказать, тоже послужил источником стройматериала. Возможно, осы обгрызали древесину возле двери на южной стене, где краска облупилась. Хотя едва ли можно счесть это повреждением, ведь при минимальном расходе материала результат был выдающийся. Недаром осы – первые на Земле производители бумаги. Из тончайшей бумаги – в жизни такой не видела! – были сделаны как бы округлые фонарики. Я осторожно положила их на кухонный стол и сняла верхний слой. Внутри сферы находился искусный плафон, полный шестиугольных ячеек. Некоторые были пусты, но в иных еще лежали мертвые осиние детки. Если бы они выросли, то приобрели бы индивидуальные отличия и все родились бы с талантом изготавливать бумагу, которую наполнили бы собственной жизнью. Ну чем не поэзия?

Лежа в одинаковых ячейках, полувзрослые осы выглядели невинно юными. Может, они бы посвятили внуков моей сестры в историю с цветами и пчелами? Хотя сами они не имели к этому прямого отношения: история была связана с их длинным генеалогическим древом. Ведь примерно сто сорок миллионов лет назад часть их насекомоядных предков устала охотиться на летучую добычу и начала добывать протеин из пыльцы. И это постепенно преобразило и их, и цветы.

Укорененным в земле растениям приходилось реализовать свое стремление к продолжению рода через посредников; до тех пор пыльцу с тычинок на пестики переносил ветер. Однако ветер капризен и ненадежен, так что пыльцы требовалось огромное количество. Собирающие пыльцу насекомые были куда лучшими курьерами. Поскольку среди динозавров мелкие цветки обнаружить трудно, на помощь пришли магнолии и водяные лилии, окружившие свои соцветия венчиком из лепестков. Другие цветы последовали их примеру и одновременно начали привлекать насекомых еще и нектаром, против которого те не могли устоять.

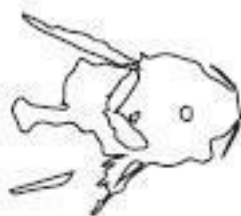
Тогда-то изменились и новоявленные вегетарианцы, которыми стали предки ос. Их верхняя губа и нижняя челюсть срослись в трубочку, через которую нектар всасывать легче, – вот так они превратились в пчел. С тех пор на протяжении ста тридцати миллионов лет цветы и пчелы осторожно старались удовлетворять обоюдные потребности: цветы – своей сладостью, пчелы – своим полетом. Мне подумалось, что это напоминает любовь; во всяком случае, именно это создало эдемский сад, где позднее появились мы.

Вклад ос в этот сад, пожалуй, менее очевиден, но ведь без них не было бы пчел. А поскольку они тоже любят нектар, то фактически могут участвовать в опылении; к тому же своих личинок осы кормят насекомыми, которых мы считаем вредителями. Яд в их жале считается менее сильным, нежели пчелиный. Так почему они не пользуются популярностью? Потому что не такие пушистые?

Многое в жизни может висеть на волоске, особенно для пчел, потому что пыльцу они переносят как раз на волосках. Кроме того, они превосходно взаимодействуют с цветами. На лету каждый ветвистый волосок приобретает положительный электрический заряд, тогда как заряд цветов на земле слабо отрицателен. То есть между ними возникает небольшое силовое поле, обеспечивающее более тесный контакт. Они в самом деле взаимно электризуются.

Что шерстка вдобавок греет, пчелам в тропическом климате не давало никаких преимуществ, а вот для шмелей обстоятельства сложились иначе. Когда сорок миллионов лет назад они появились в Гималайском регионе, температура там резко упала, так что шерстка оказалась весьма полезна. Благодаря ей шмели стали такими выносливыми, что их по-прежнему можно встретить у ледников. Медоносные пчелы обычно не вылетают при температуре ниже плюс шестнадцати градусов, тогда как шмели покидают гнезда уже при нескольких градусах тепла. Шмелиная матка способна даже перезимовать в земле под снегом благодаря своей шерстке и растворенному в крови глицерину, который не дает ей замерзнуть.

Обычно матка зарывается в почву где-нибудь на северном склоне, чтобы не проснуться слишком рано. Ждет, когда весеннее солнце прогреет почву и на северной стороне успеют появиться кой-какие цветы. Первый завтрак в году традиционно происходит на вербах, чьи мохнатые цветки чем-то похожи на нее. Женские цветки дают богатый энергией нектар, мужские – питательную пыльцу, а это необходимо для развития яиц, которые она носит после прошлогоднего спаривания. Хотя прежде ей надо найти для потомства надежное жилье.

Я заметила, что шмелиные матки уже успели проснуться. После встречи с той, что угодила в дождемер, я видела много шмелей, которые летали на участке, явно подыскивая себе жилье.

Привлекали их не вполне очевидные места. Мечта земляного шмеля – пустая мышиная норка с сохранившейся травяной изоляцией, а порой матка готова даже сразиться с мышью. Древесный шмель, напротив, ищет себе квартиру повыше, например в старой стене дома с воздушной изоляцией.

Так и есть. Пока я срезала сухие стебли мяты возле угла дома, рядом послышалось басовитое жужжание. Потом всё стихло. Через минуту-другую жужжание возобновилось, и внизу у стены появился шмель. Красноватый, как спасенный из дождемера, так что, возможно, та же самая особь.

Может, он меня запомнил? Как ни странно, шмели умеют распознавать людей. Или он смутно узнал место? Поскольку шмель был древесный, он в принципе мог родиться там годом раньше. И сейчас опять выполз из-под дощатой обшивки, чтобы побыть на воздухе. Происходило всё как раз возле скамейки, где я думала расположиться со своими бумагами, поскольку летом люблю работать под открытым небом. Солнце заряжает меня, как батарейку, а насекомые жужжат, словно динамомашинка. Если шмель намерен поселиться на углу дома, мы могли бы в тишине составить друг другу компанию.

Так или иначе, он явно будет жить по соседству вместе со своей семьей, так что не мешало бы разузнать о нем побольше. Теперь я была вдвойне благодарна ученым, изучавшим поведение шмелей. Энтузиаст Дейв Гоулсон даже прикреплял к ним крохотные передатчики, которые регистрировали их полет, и вместе с другими исследователями детально разобрался в том, что происходило в их жилищах. В итоге я имела известное представление о весенней жизни в стене.

В отличие от некоторых белок, шмелю много места не требуется. Достаточно горсточка теплоизоляции. Из «утвари» есть только кувшинчики, которые шмелиха делает из воска, выде-

ляемого железой на брюшке. Сформировав кувшинчики с помощью жвал и лапок, она мало-помалу наполняет их урожаем, собранным с разных цветов. Один кувшинчик – нектаром: он пригодится в те дни, когда она не сможет вылетать. В других хранится пыльца, смешанная с нектаром, а сверху она откладывает яйца. Проверив и запечатав кувшинчики, матка ложится сверху, словно насадка.

На брюшке шерстка у нее редкая, как на наседных пятнах у птиц, так что шмелиная матка находится в близком контакте с яйцами. Им требуется тридцать градусов тепла, и она чутко ощущает температуру. Если шерстки недостаточно, шмелиха разогревает тело, вибрируя крылышками. Таким же образом она повышает температуру и в полете, так что в принципе она теплокровна.

Несколько дней насиживания – и из яиц выходят личинки; они досыта наедаются пыльцой из кувшинчиков и закутываются в коконы, где за несколько недель превращаются в блеклых шмелей. Выбравшись из коконов, они сразу ползут к кувшинчику с нектаром, чтобы запастись энергией, после чего ползут к своей теплой матери, чтобы обсушить еще обвислые крылышки. Первая шмелиная детва немногочисленна и мала ростом, поскольку ресурсы покуда минимальны, но матери-шмелихе срочно нужны помощники. Отныне она посвятит себя только откладыванию яиц, и уже через несколько недель численность шмелиной молодежи достигнет нескольких сотен.

Мне тоже пора составить план для семьи, ведь, хотя в доме можно жить посменно, в нем должны разместиться два поколения. К кроватям, стало быть, добавился раскладной диван, который сделал столяр, я же соорудила у обрывов на краю участка небольшие заграждения из веток. Надеюсь, они уберегут младших ребяташек от опасных вылазок.

А вот шмелиная детва, покинув дом, будет совершенно беззащитна. Они останутся в гнезде на несколько дней, заботясь о новых куколках и охраняя вход, но потом им неизбежно придется вылетать, чтобы добывать пищу. Для молодого шмеля это сложная задача. Снаружи караулят большие синицы, наловчившиеся обламывать шмелиные жала о ветки, а цветов, которые можно посетить, весной совсем немного. В сухую погоду нектара у них может оказаться маловато, да и вообще попробуй найди его, цветков-то.

Первый вылет начинается с небольших ориентировочных кругов вокруг гнезда. Чтобы вернуться домой, необходимо зрительно запечатлеть в памяти все окрестные приметы. Если в окружении жилища возникает какое-то изменение, оно сбивает шмелей с толку. Например, поставишь там стул – и им придется совершать новые зондирующие облеты, чтобы уточнить свою внутреннюю карту, а уберешь стул – они впадут в не меньшее смятение и повторят ту же процедуру. Невольно я подумала, что не стоит особо менять что-либо на углу дома.

Вообще шмели, кажется, примечают всё и вся. Ведь чтобы обеспечить личинкам сбалансированное питание, им нужно собирать пыльцу с разных цветов и постоянно летать туда и обратно. Благодаря способности различать мелкие детали они охватывают взглядом очень большие территории. Тысячи фасеток их глаз расположены под чуть разными углами и в совокупности в полете информируют о расстоянии, скорости и маршруте. Дороги, водные артерии и поля служат им наземными ориентирами. Усики-антенны постоянно воспринимают электро-

магнитное поле Земли, а кроме того, реагируют на малейшее изменение влажности, температуры и ветра. Вдобавок они улавливают все запахи и примечают, идут ли те справа или слева. В тот миг, когда надо с точностью до миллиметра опуститься на цветок, усики регистрируют внешний рисунок венчика.

Так разве можно считать шмелей спокойными сибаритами? Это же результативные суперпилоты с навигационной оснасткой, какой не могут похвастаться современные самолеты. Благодаря ей они способны лететь прямым курсом со скоростью двадцать пять километров в час даже при сильном боковом ветре. Мало того, из всех жужжащих они самые прилежные и успевают сделать за день семь вылетов, посетив каждый раз четыре сотни цветков. А поскольку они вылетают также в прохладную утреннюю и вечернюю пору, их рабочий день зачастую продолжается восемнадцать часов.

Результативность основана на испытанных методах. Шмели запоминают полудюжину разных мест с растениями и время, когда цветы дают больше всего нектара. И свои визиты совершают именно в это время, рационально выстраивая маршруты. Если на цветке недавно кто-то побывал, они летят мимо, как только ощутят такой след. Последовательность действий при каждом приземлении одна и та же. Нектар засасывается в особую полость тела, а крупинки пыльцы, прилипшие к шерстке, счесываются в особые мешочки на задних лапках. Важно распределить содержимое равномерно, чтобы не летать кругами, ведь груз может весить почти столько же, сколько тело самого шмеля.

Лишь когда дневной свет начинает меркнуть, они заканчивают свой рабочий день. Еще утром, когда они покидали жилище, три простых глазка на голове шмеля рассчитали по интенсивности освещения позицию солнца, и на обратном пути они снова ее контролируют. В результате они знают, сколько минуло времени и под каким углом к солнцу надо теперь лететь. Отмечены случаи, когда шмель отыскивал жилье, находящееся в десяти километрах, – правда, на обратный путь уходило два дня. Пропорционально его размеру это соответствует полету человека на Луну и обратно.

Так откуда же взялось странное утверждение, что шмели вообще-то не должны летать? Вероятно, их сравнивали со стрекозами или с планерами. Но крылья шмеля движутся скорее как лопасти вертолета или гребущие весла. Когда края передних крыльев при полете отворачиваются вверх, возникает воздушный вихрь, создающий подъемную силу. Недостаток летательной технологии шмелей заключается в том, что частота движения их крыльев почти соответствует числу оборотов колеса мчащегося мотоцикла, – иными словами, это энергоемкая техника. Часть собранного нектара обычно используется как топливо уже во время полета, поэтому нектара шмелям нужно много.

Цветы на нашем участке шмелям отлично подходят, и им это известно. Они любят цветы черники, брусники и вереска, смородины и малины, любят деревенские растения и пряные травы вроде мяты или мелиссы – всё, что растет возле жилища древесного шмеля. А еще одуванчики. Шмелям нравится сидеть в желтом венчике, где солнце прогревает нектар, и я охотно садилась рядом, чтобы послушать гудение их крылышек.

Всё тельце шмеля способно стать музыкальным инструментом. Мускулы крылышек вибрируют, как струны гитары, и от каждого их импульса крылышки успевают сделать двадцать взмахов. В общей сложности двести взмахов в секунду. Когда гудение крыльев смешивается с вибрациями спинных пластинок и оболочек дыхательной трубки, слышен певучий звук.

Я заметила в нем ритм, описывающий движение. Звук понижался, когда шмель тормозил у цветка, после чего следовала короткая пауза для набора нектара. Затем дополнительные взмахи для подъема – и звук вновь менялся.

Меня завораживало, что движения жизни создают звуки. У всех насекомых свои частоты, от баса шмеля до пронзительного дисканта комаров. Высоту тона определяет головокружильная быстрота взмахов крылышек. Крылья осы машут сто раз в секунду, пчелы – двести, мухи – триста, а комара – шестьсот. Когда певица Габи Стенберг записала звуки насекомых, у нее получилась полная до-мажорная гамма, включая полутоны. Овод – до. Оса – до-диез и ре. Крупный шмель – ре-диез и ми. Пчела – фа. Другая оса – фа-диез. Маленький шмель – соль, соль-диез и ля. Цветочная муха – ля-диез и си. Маленькая пчела – до следующей октавы. В совокупности целая музыкальная азбука из взмахов крылышек.

Шмели слышат музыку крылышек лучше меня, хотя ушей у них нет. Они слышат шерсткой, так как волосоподобные органы улавливают малейшую вибрацию воздуха. С помощью волосков насекомые воспринимают гораздо более высокие звуковые частоты, нежели мы; они буквально ощущают, как воздух трепещет от звуковых волн. Именно звуком крылышек комариные самки приманивают самцов, причем крылышки у них на всякий случай снабжены усилителями звука. Неудивительно, что их так хорошо слышно летними ночами. По крайней мере, для самцов это приятная музыка, и они тотчас настраивают собственные крылышки на ту же частоту. Ведь только когда самец настроен на самку, возможно спаривание.

Гудение шмелиных крылышек вскоре стало восприниматься по-домашнему уютным, однако жужжание раздавалось и в более неожиданных местах. Однажды, найдя в столярке красную краску, я надумала подновить облезлую южную стену дома. И только собралась красить, как передо мной возникло несколько пчел. Я немного отступила, чтобы посмотреть, откуда они взялись, а они устремились к двери, будто хотели попасть внутрь. Но немного погодя я сообразила, что входы у нас разные. Они жили в дверной коробке.

Так-так, стало быть, в южной стене жили и шмели, и пчелы. Я что же, намерена покрасить своего рода пчелиный улей? Мне встречались фотографии словенских ульев, разрисованных на манер старинных крестьянских шкафов. Рисунки были яркие, чтобы их было видно сквозь пчелиный рой, и часто изображали пчеловодческие сценки или библейский Эдемский сад. Подобные рисунки указывали на владельца и одновременно хвастались его пчелиным богатством. Но у меня здесь, в конце концов, не улей, поскольку в дверной коробке обитали дикие пчелы-одиночки. Этот вид называется рыжая стенная осмия, и шерстка у этих пчел красноватая, как у древесного шмеля. Всё под цвет дома.

Рыжие осмии жили здесь, должно быть, с прошлого лета, когда одинокая самка пробралась в стену, чтобы тихо-спокойно отложить яйца, – точь-в-точь как древесный шмель. Дальше ее материнство протекало иначе. Она оставила каждое яйцо в отдельной маленькой ячейке

с солидным запасом пыльцы, прежде всего кленовой и дубовой. Затем запечатала детскую и улетела. И хотя ей самой пережить зиму не дано, детва в теплой южной стене могла справиться самостоятельно. Так оно и вышло. Шли месяцы, плотники сновали туда-сюда через дверь, а похожие на маленькие запятушки детки ждали и не спеша развивались, питаясь прошлогодней древесной пылью. Мне казалось, они утепляли дом собственной жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.